

Тун Ли с изумлением смотрел на Лу Яньсюаня.

На лице того не дрогнул ни один мускул, и невозможно было понять, в каком он сейчас настроении — в ярости или в добром расположении духа.

— О чем ты договорился со своим отцом? Какую сумму ты должен заработать, чтобы он позволил тебе больше не торговать собой?

Тун Ли слегка приоткрыл рот, колеблясь.

На самом деле у него не было никакой договоренности с Тун Пинчуанем.

Он согласился стать постельной игрушкой Лу Яньсюаня лишь для того, чтобы тайком накопить денег на лечение отца. Если бы Тун Пинчуань узнал, что сын пошел по его стопам, он непременно переломал бы ему ноги, а потом утащил бы с собой топиться в реке.

— Ну?

Тун Ли в панике замигал, опустив голову, чтобы не встречаться с Лу Яньсюанем взглядом.

Тяжелый камень, что все это время давил на сердце, наконец сдвинулся с места благодаря заблуждению Лу Яньсюаня.

— Два миллиона. Тун Пинчуань сказал... что если я соберу два миллиона, то больше не буду ходить в такие места.

Раз уж Лу Яньсюань все неверно истолковал, пусть так и остается. Врачи говорили, что на лечение рака нужно как минимум один-два миллиона.

В комнате воцарилась пугающая тишина. Тун Ли крепко сжал губы, словно ребенок, совершивший проступок. Для него эта сумма была астрономической, но для Лу Яньсюаня — сущим пустяком.

— После обеда я переведу тебе деньги.

Тело Тун Ли, охваченное дрожью, внезапно напряглось. В его глазах вспыхнула надежда, на лице промелькнуло невольное оживление, и он почти машинально выпалил:

— Правда?

— Но ты должен выполнить одно условие.

— Какое?

— Пока не закончишь учебу, будешь принадлежать мне.

То есть до июня следующего года, до самого выпуска, он должен оставаться его постельным компаньоном?

Ничего страшного... в конце концов, придется продаваться лишь до июня, а потом он будет свободен. Как только получит диплом, между ним и Лу Яньсюанем все будет кончено, и он сможет продолжить гнаться за своей мечтой.

У Тун Ли была мечта. Мечта о живописи.

Но он никогда никому о ней не рассказывал. Денег в доме вечно не хватало, поэтому он лишь изредка покупал несколько кистей да листов бумаги, чтобы осторожно практиковаться. Под его не слишком-то мягкой кроватью было полно рисунков — там хранились его мечты.

На лице Тун Ли не было колебаний, лишь улыбка облегчения.

— Хорошо, я согласен.

В следующее мгновение Лу Яньсюань внезапно заключил его в объятия. От него исходило такое тепло, что Тун Ли едва не потерял голову.

— Твоему отцу сказочно повезло, что у него есть ты, — тихо прошептал он ему на ухо.

На самом деле он не договорил: Если бы однажды нашелся человек, который так же самоотверженно заботился бы обо мне, было бы неплохо.

Мать умерла при родах, пытаясь спасти его, а отец вечно пропадал на работе и приемах. Сколько он себя помнил, его всегда воспитывал только дворецкий Эйви. Эйви был профессионалом до мозга костей, каждое его движение было безупречно вежливым, он никогда не переступал черту, словно был машиной.

Тун Ли, прислонившись к плечу Лу Яньсюаня, почувствовал, как в душе гаснет свет.

Сказочно повезло? Это ты просто не знаешь, как сильно он хотел сжить меня со свету, когда я еще был у него в животе...

Он спасал Тун Пинчуаня лишь из страха одиночества. Пока тот жив, в мире есть еще один такой же уродец, как он сам. Если Тун Пинчуань умрет, его собственный мир рухнет.

Тун Пинчуань очень любил выпить, хотя алкоголь губил желудок и здоровье, но он не мог остановиться и часто напивался до беспамятства. А стоило ему захмелеть, как он начинал нести всякую чушь, от которой Тун Ли уже тошнило:

— Если бы не ты, этот маленький выродок, я бы жил куда привольнее!

— Не смотри на меня таким равнодушным взглядом... Когда я рожал тебя, я думал: если не пойду в больницу, ты, может, и не выживешь... Но ты, малец, оказался живучим! Я заперся в комнате, без всякой медицинской помощи вытащил тебя из себя, а ты ухватился за пуповину и орал так противно, будто кошка в течке...

— Я тогда так хотел тебя задушить и бросить на съедение бродячим псам, все равно никто бы не узнал...

— Почему я тогда тебя не придушил? Если бы не ты... если бы не ты...

Обычно на этом месте Тун Пинчуань начинал бормотать что-то нечленораздельное, и разобрать его слова было уже невозможно.

Длинный белый обеденный стол в особняке Лу, за которым обычно в одиночестве восседал глава дома, сегодня превратился в место для романтического ужина на двоих. На столе были

стейки, паста и салат.

Тун Ли впервые ел стейк, и, взяв в руки нож и вилку, растерялся. Он пытался подражать тому, что видел по телевизору: накалывал мясо вилкой и пытался пилить его ножом, но все валилось из рук, и отрезать кусок никак не удавалось.

Лу Яньсюань же орудовал приборами с поразительной легкостью, его стейк был нарезан на аккуратные кусочки, и даже процесс еды выглядел в его исполнении невероятно изысканно.

Тун Ли украдкой тыкал в свой кусок мяса. Они были людьми из разных миров.

Раздался скрип отодвигаемого стула, и, обернувшись, Тун Ли увидел, что Лу Яньсюань уже стоит рядом.

— Я... я сам...

Но нож и вилку Лу Яньсюань перехватил первым. Он встал позади Тун Ли, наклонился, и его волевой подбородок коснулся плеча юноши.

— Дождемся, пока сойдет отек, тогда и будешь управляться сам.

Он небрежно нарезал стейк, обмакнул кусочек в соус и поднес к его губам.

— Открывай.

Тун Ли было крайне непривычно, когда его кормят с рук.

— Не делай того, что мне не нравится.

Тун Ли поджал губы, а затем, приоткрыв их, показал белые зубы и взял мясо с вилки.

Лу Яньсюань посмотрел на пристыженное лицо Тун Ли, и на его холодном лице на мгновение промелькнула слабая улыбка, тут же исчезнувшая. Он нарезал весь стейк на тарелке юноши и только тогда вернулся на свое место.

После ужина слуги убрали свечи и посуду.

— Вкусно?

— Да.

Тун Ли кивнул. Еда действительно была вкусной, но он почти не чувствовал вкуса, словно ел механически.

— Сегодня я отвезу тебя домой.

— А? — Тун Ли занервничал. Если Тун Пинчуань увидит, что он выходит из машины мужчины, он точно переломает ему ноги. — Но если нас увидят...

— Ты боишься чужих взглядов? — Лу Яньсюань насмешливо обвел взглядом суесящих слуг.

Те, опустив головы, занимались своим делом, оставаясь абсолютно глухими и слепыми. Даже если бы он на их глазах творил с парнем что-то непотребное, они бы и бровью не повели.

— Нет... не поэтому, просто Тун Пинчуань не разрешает мне...

— Не бойся, он не увидит.

Лу Яньсюань, конечно, понимал, о чем беспокоится Тун Ли. Даже если Тун Пинчуань был мужчиной легкого поведения, он наверняка хотел, чтобы сын не пошел по его стопам.

Лу Яньсюань слегка согнул правую руку, приглашая:

— Сяо Ли, возьми меня под руку.

Тун Ли, чье сердце бешено колотилось, понимал, что не может отказать, и осторожно продел руку в образовавшуюся петлю. Его рука была крепкой, мускулистой, упругой — к этому прикосновению легко было привыкнуть.

Машина остановилась в нескольких сотнях метров от дома. Тун Ли вышел, и стекло со стороны водителя опустилось.

— Лу Яньсюань, когда мне прийти завтра?

— Когда поправишься, тогда и приходи.

Ответ Лу Яньсюаня удивил его. Разве он не был ненасытным, не способным сдерживать свои желания?

Тун Ли помахал ему на прощание.

— Будь осторожен по дороге, и еще... — Лу Яньсюань положил руку на край окна, и Тун Ли с недоумением обернулся. — Мне больше нравится, когда ты зовешь меня Яньсюанем.

Под тусклым уличным фонарем лицо Тун Ли мгновенно залилось краской.

— Янь... Яньсюань, — пробормотал он, кутаясь в пальто и почти пряча в нем голову. Это имя казалось ему слишком интимным.

Лу Яньсюань довольно улыбнулся.

Стекло медленно поднялось, и белоснежный Бентли плавно тронулся с места, оставаясь заметным даже в ночном сумраке.

Железная калитка дома не была заперта, а значит, Тун Пинчуань вернулся. В комнате горел свет, и оттуда доносился прерывистый кашель. Этот звук раздражал Тун Ли.

Услышав шаги, кашель стал тише. На полу валялись пустые бутылки и осколки стекла. Тун Ли взял веник, смел мусор в корзину и увидел разбросанную одежду. Тун Пинчуань снова превратил дом в свинарник.

Закончив с уборкой, он прислушался — кашель не прекращался.

— Почему ты до сих пор не сдох? — пробормотал он себе под нос, глядя на закрытую дверь комнаты отца.

Постояв немного, он все же подошел и постучал.

— Эй, ты еще жив? Если жив, пошли в больницу.

Он попытался открыть дверь, но ручка не поддавалась — дверь была заперта изнутри.

Через несколько минут кашель стих. Сердце Тун Ли словно погрузилось в ледяную воду: сколько еще он собирается скрывать от него правду?

Дверь открылась, и он встретился с гневным взглядом Тун Пинчуаня.

— Ты болен, поехали в больницу, — Тун Ли, вопреки ожиданиям, был необычайно спокоен.

— В больницу? В больнице деньги нужны! Из-за тебя я работу потерял, ума не приложу, в кого ты такой выродок, вечно портишь мне жизнь!

Лицо Тун Пинчуаня было белым, как лист бумаги, даже в порыве ярости в нем не было ни капли крови. Его глаза, пронизанные красными капиллярами, впились в Тун Ли, словно он хотел сожрать его живьем.

— Разве это плохо, что ты больше не работаешь? Теперь тебе не придется больше продаваться.

— Ты! — Тун Пинчуань замахнулся, чтобы ударить, но Тун Ли не отшатнулся, лишь закрыл глаза.

Удар так и не последовал. Тун Пинчуань дрожал от ярости, как больной лев, его тяжелое дыхание было пропитано запахом алкоголя. Наконец, сдувшись, как проколотый шарик, он тяжело вздохнул и вернулся в комнату.

В тот момент, когда дверь захлопнулась, Тун Ли посмотрел на его спину — тот казался таким постаревшим. Несмотря на то, что он ненавидел его до глубины души, в носу почему-то защипало.

Тун Ли сварил рисовую кашу, такую мягкую, что она таяла во рту. Он читал в интернете, что у больных раком желудка пищеварительная система сильно повреждена, и даже самая легкая пища может вызвать тошноту.

Пар в кухне застилал ему глаза. Он ждал, когда Тун Пинчуань наконец решится признаться.

— Эй, открой.

Тун Ли постучал в дверь. Слова, которые он подготовил, вылетели из головы, стоило ему увидеть лицо отца. Они слишком долго причиняли друг другу боль, и слова утешения стали казаться чем-то невозможным.

— Я случайно сварил слишком много.

Тун Ли пододвинул миску с кашей к Тун Пинчуаню.

— Если не съешь, я вылью.

— Ты так распоряжаешься деньгами, что я тебе даю? Выльешь? Кто ты такой, чтобы так говорить! Больше не надейся получить от меня ни гроша!

Слова Тун Ли больно ударили по израненному сердцу Тун Пинчуаня. Предлагать ему еду, которую собирались выкинуть? И это его сын!

Тун Ли сделал вид, что собирается вылить кашу.

— Поставь на место!

Тун Пинчуань вырвал миску, расплескав немного горячей каши на распухшую руку Тун Ли. Было больно, но он лишь слегка нахмурился, не издав ни звука.

Тун Пинчуань унес миску и с грохотом захлопнул дверь. Вскоре из комнаты донеслись звуки еды.

Сердце Тун Ли болело. Если бы Тун Пинчуань хоть немного был к нему добрее, возможно, и он смог бы ответить тем же.

Вернувшись в свою комнату, Тун Ли обнаружил на своем старом телефоне два сообщения: одно из банка о зачислении двух миллионов, другое — от Лу Яньсюаня.

[В ближайшие дни можешь не приходить в особняк. Не забывай вовремя мазать руку мазью, отдыхай дома. Спокойной ночи.]

Тун Ли смотрел на экран. Простые слова, но они согрели его душу, как слабый луч солнца, от которого вдруг защипало глаза и покатились слезы. С тех пор как он встретил Лу Яньсюаня, его слезы стали какими-то дешевыми.

Впервые в жизни кто-то пожелал ему спокойной ночи.

Если бы не предыдущее сообщение, напоминающее о том, что между ними лишь сделка, Тун Ли почти поверил бы, что Лу Яньсюань искренне заботится о нем. Но даже так, он был тронут.

Пусть он побудет обманутым... забота, завернутая в деньги и плотские утехи, тоже остается заботой.

Он набрал ответ: [Спокойной ночи.]

Обняв телефон, он, несмотря на вред излучения, прижал экран к самому сердцу и, укутавшись в одеяло, заснул.

В шесть тридцать будильник на тумбочке зазвенел, сотрясаясь от собственного шума. Тун Ли выключил его и почувствовал, что отек на руке за ночь почти спал. Достав из пакета мазь, он понюхал ее — на ней все еще оставался аромат Лу Яньсюаня.

Пальцы Лу Яньсюаня проникали в его тело.

Запах был тонким, приятным.

Намазав руку, Тун Ли умылся и вышел из комнаты, обнаружив, что в доме пусто. Даже кашля Тун Пинчуаня не было слышно.

Сердце Тун Ли провалилось в бездну. Охваченный одиночеством, он почти бегом бросился к двери отца.

— Тун Пинчуань!

Он дергал ручку — дверь была заперта. Взгляд упал на пол: обуви, которую обычно носил Тун Пинчуань, не было.

Значит, он ушел.

Хорошо, что это не то, о чем он подумал...

Тун Ли с облегчением выдохнул, как вкопанный, глядя на одинокие тапочки в прихожей.

— За что мне достался такой человек...

Словно разговаривая с пустотой, он вернулся в свою комнату.

Тун Ли согнулся и достал из-под кровати две картонные коробки. В них пряталась его мечта.

Он открыл их. В одной лежали дешевые краски, кисти и несколько листов бумаги для эскизов. В другой — его рисунки.

Он знал о тяжелом положении семьи и никогда не заикался о своей мечте. Он понимал: стоит Тун Пинчуаню узнать, как он тут же высмеет его, а потом, в отсутствие сына, будет бегать по постелям разных мужчин, чтобы сунуть ему в рюкзак заработанные телом деньги, присовокупив: Не трать на всякую чушь, у меня нет лишних денег тебя кормить!

Он привык после школы тайком подслушивать у дверей художественного класса, запоминая советы учителя, а потом ночи напролет практиковаться в своей каморке. Среди его рисунков было немало портретов Тун Пинчуаня — он почти идеально копировал его черты лица.

Рассвело. Тун Ли отодвинул занавески, и комната наполнилась светом.

Вертя в руках карандаш, он вдруг отчетливо представил образ Лу Яньсюаня.

Прижав карандаш к бумаге, Тун Ли принялся быстро набрасывать линии.

На белоснежном листе проступил четкий профиль Лу Яньсюаня: острые черты лица, пронзительный взгляд темных глаз, плотно сжатые губы, прямой нос. Он сидел в кресле, глядя в окно.

Тун Ли заворуженно смотрел на рисунок. Запах пальцев Лу Яньсюаня, ощущение его поцелуев на щеках, чувство безопасности, когда он обнимал его — все это словно выгравировалось в душе. Сердце забилося чаще, кровь прилила к лицу.

Он даже не заметил, как на его губах появилась улыбка. Пальцы, все еще пахнущие лекарством, нежно погладили рисунок, скользнув от кадыка к груди.

Лу Яньсюань — наследник крупной компании, рожденный с серебряной ложкой во рту. Он — маленький уродец, рожденный от такого же уродца, которого не хочет признавать даже собственный отец.

Он такой чистый и благородный, а сам он... такой грязный...

Тун Ли сжал кулаки. Теплый лучик надежды, зародившийся в сердце, он поспешно спрятал, боясь дать ему разгореться. Он бережно убрал рисунок в другую коробку, подальше от остальных — этот рисунок был особенным.

Тун Пинчуань не возвращался несколько дней. На третью ночь Тун Ли набрал его номер.

Как только вызов был принят, из трубки донеслись звуки, которые невозможно описать — словно кто-то что-то усердно сосал.

— Пинчуань, еще немного... поднажми...

Рука Тун Ли, державшая телефон, задрожала:

— Тун Пинчуань!

Раздался грохот — телефон с силой швырнули на кровать, он подскочил и упал на пол.

Тун Пинчуань сдал анализы на ВИЧ, и результат оказался отрицательным. Получив справку, он восстановился на своей «работе».

— Ты же знал, в каком состоянии твое здоровье... почему ты продолжаешь продаваться... — Тун Ли сжался в темном углу, кусая руку до боли, чтобы заменить ею слезы.

Он не мог понять. Он просто не мог этого осознать. Неужели он хочет довести себя до смерти? Стать призраком разврата?

Внезапно раздался резкий звонок телефона.

Он, словно марионетка с обрезанными нитями, сжался в комок, спрятав лицо в темноте собственных рук. Звонок на мгновение стих, а потом раздался снова.

Он зашевелился и посмотрел на телефон под кроватью — затуманенные глаза едва различали пропущенные вызовы. Звонок оборвался, а спустя какое-то время зазвучал снова.

— Да замолчи ты! — Тун Ли закрыл уши. Он думал, что телефон разбился после того, как его швырнули, но тот продолжал звонить.

Опираясь на стену, он поднял аппарат и увидел три пропущенных вызова от Лу Яньсюаня.

Зачем он звонит?

Ох...

<http://bllate.org/book/22277/2332185>